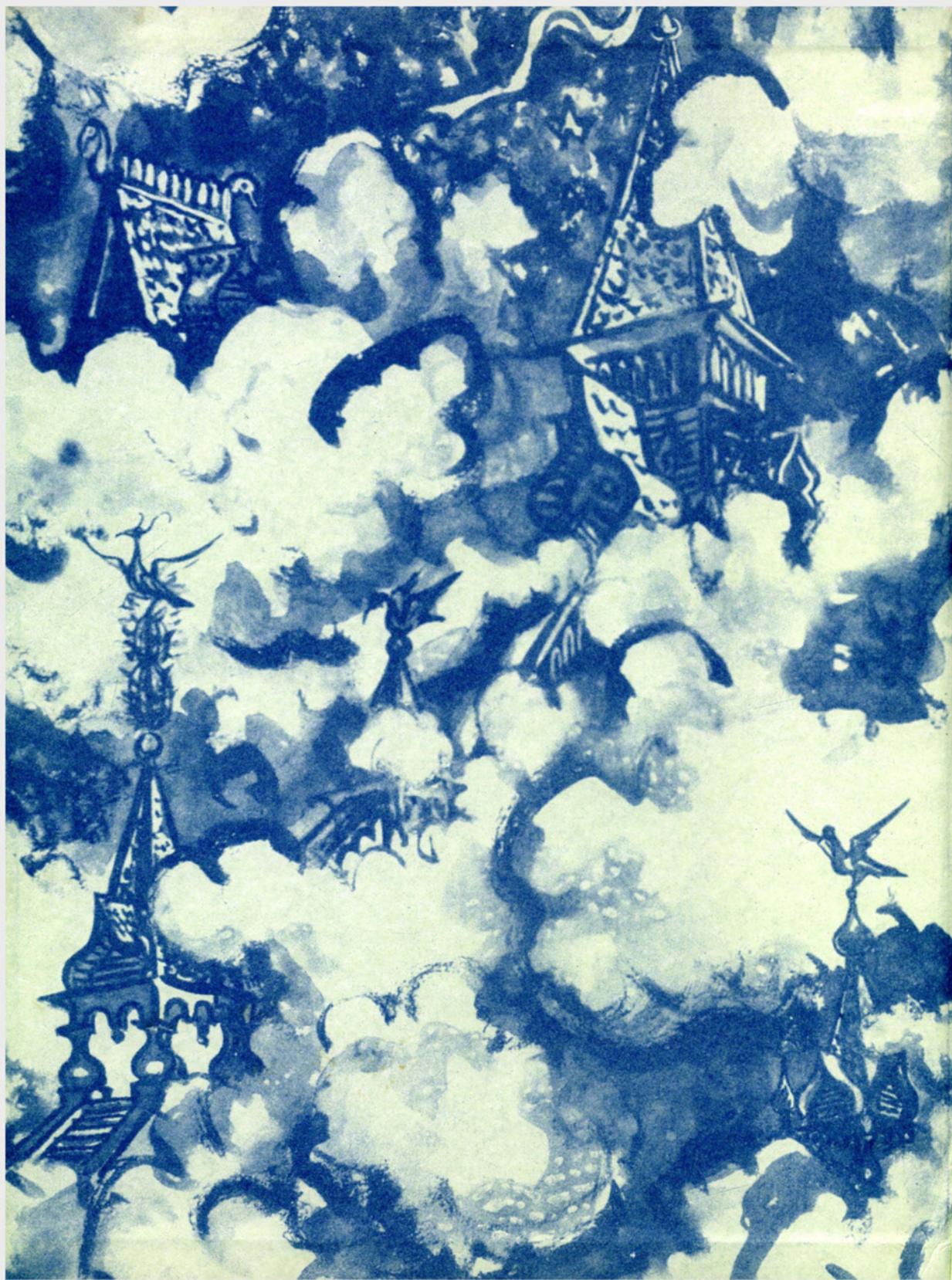

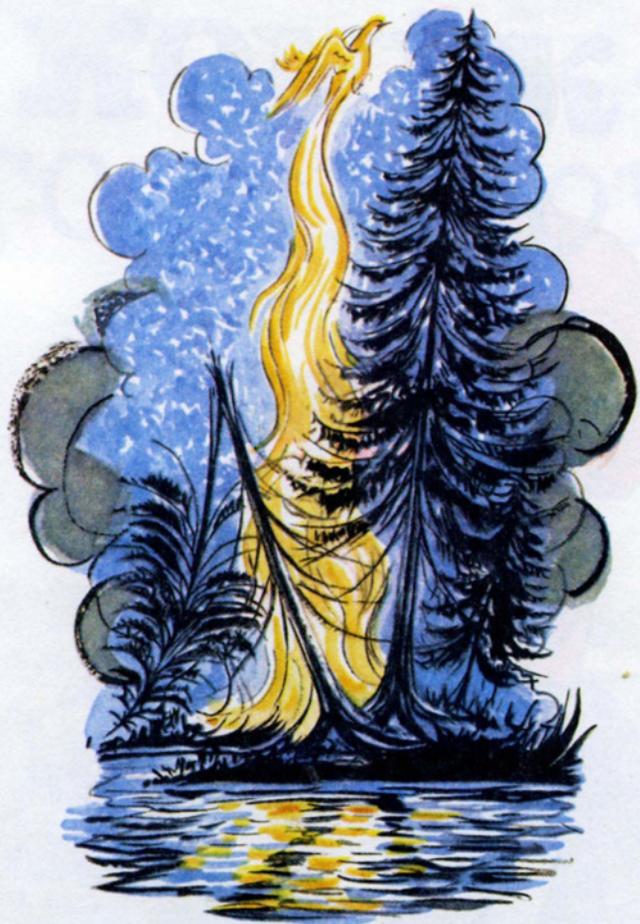
П. П. ЕРШОВ

КОНИЁК-
ЛОРБУНОК

И. П. ЕРШОВ

КОНИК- ГОРБУЖОК

РУССКАЯ СКАЗКА В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Акварели
В. А. Мухоморова

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Послесловие, объяснение устаревших слов и выражений

В. П. Аникина

Пояснения художника

В. А. Милашевского

Текст печатается по изданию:

Ершов П. П. «Конёк-горбунок». Стихотворения. «Библиотека поэта».
Большая серия. Советский писатель. Л., 1976.

4803010101—257
E M101(03)86 105—85

© Послесловие, пояснения художника.
Иллюстрации с изменениями.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.

Начинает сказка казываются...

в горах за лесами,
за пучиной морями,
Против неба — на земле,
Жил старик в одном селе.
У старушки три сына,
Старший у них был дитя.

а горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле,
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына.
Старший умный был детина,

Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

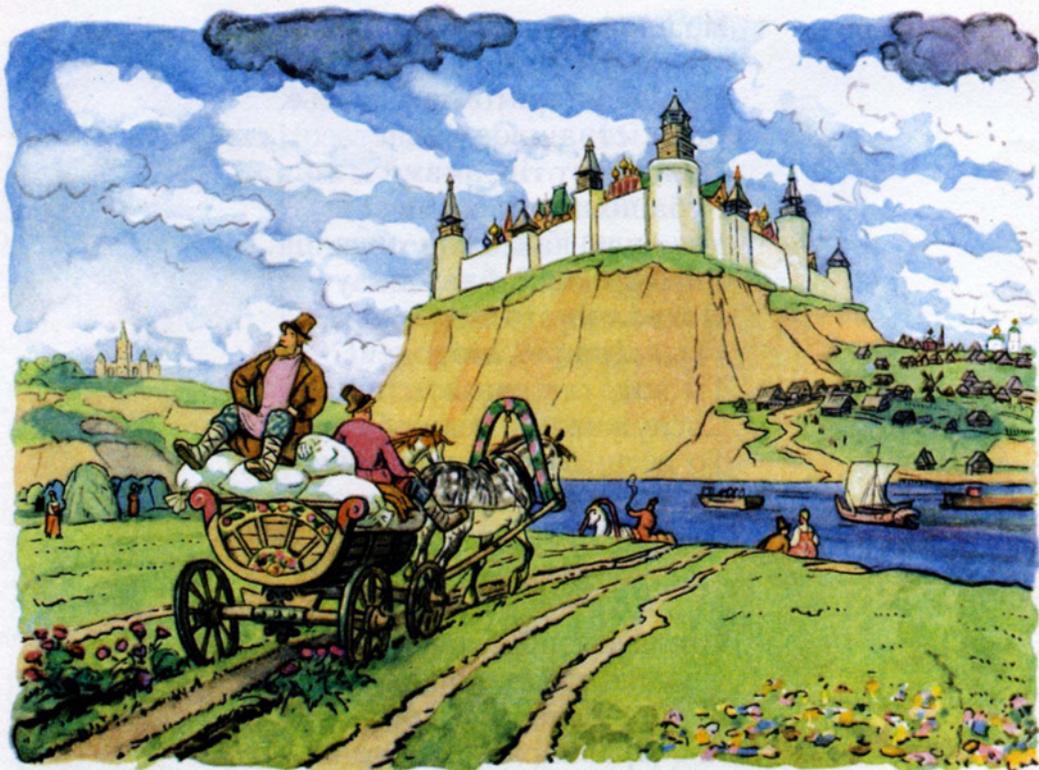

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сеник*¹.

¹ Слова, помеченные звёздочкой, объясняются в конце книги.

Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног!»
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился

И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал,
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат пошёл собирать:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —

И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз —
До животиков промёрз».
Братья двери открыли,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:

Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков*,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай* свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает

И прыгну́л к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью* надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван,— ему сказала,—
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку*.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом* напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван
И в пастуший балаган*
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо*,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?»
— «Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно*, тоже светил,—
Я порядком не заметил.

Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плоски!*

Вот и стал тот чѣрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жѳмах*.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это

Обещаю смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил*,
Да чертёнку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись за бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться — так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало,—
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело,—
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно* пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,

На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал,—
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве напрямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом* горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
Старший среднему сказал.—

Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу*
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделім.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Не достанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки:
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днём,—
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И найдёт ли царь Салтан
Басурманить* христиан.

Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!*Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

Тут конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван,— сказал,—
Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепли*:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть расту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу».

Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби* берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья то есть испугались,
Зачесались и замялись,
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт,
Некорыстный наш живот*.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали

Всю намеднишнюю* ночь —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы вершили*,
Наконец вот так решили,
Чтоб продать твоих коньков
Хошь за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик немо́жет*,
Работа́ть уже не может,
А ведь надо ж мыкать век,—
Сам ты умный человек!»
— «Ну, коль этак, так ступайте,—
Говорит Иван,— продайте
Златогривых два коня.
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть.
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засвѣтил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как тѣмно! — он сказал.—
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всѣ бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... Мне сдаѣтся,
Что дымок там светлый вѣтсся...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево* развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь* знает, что горит!
Коль станичники* пристали —
Поминай его, как звали!»

Всѣ пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьѣт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.

«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым.—
Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле, словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
«Что,— сказал он,— за шайтан!*Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы.
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою».
— «Говори ты! Как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.

Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час.
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд*
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий* —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня* наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый*,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:

«Гости!* Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому*,
Ни давёжа*, ни погрому,
И чтобы никакой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;

Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народу,
Нет ни выхода, ни входу;
Так кишма вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.

«Эй вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден,— молвил,— божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, царь-отец,—
Городничий восклицает
И всем телом упадает,—

Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно».
— «Как умею, расскажу:
Городничим я служу,
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» — «Знаю, знаю!»
— «Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и случилось, царь-надёжа!
И поехал я — и что же?
Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо коней поглядеть,—
Говорит он.— Да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!» — И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов* отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» — Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я».
— «Ну, я пару покупаю!
Продаёшь ты?» — «Нет, меняю».
— «Что в промен берёшь добра?»
— «Два-пять* шапок серебра».
— «То есть это будет десять».
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,

Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся:
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье* наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну* мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» — «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конёк его — горбатко —
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски* их зашили,
Постучали ендовой*
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской,
При конюшне государской;
Как в суседки* он попал,
Как перо своё проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,

Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился*;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царём.

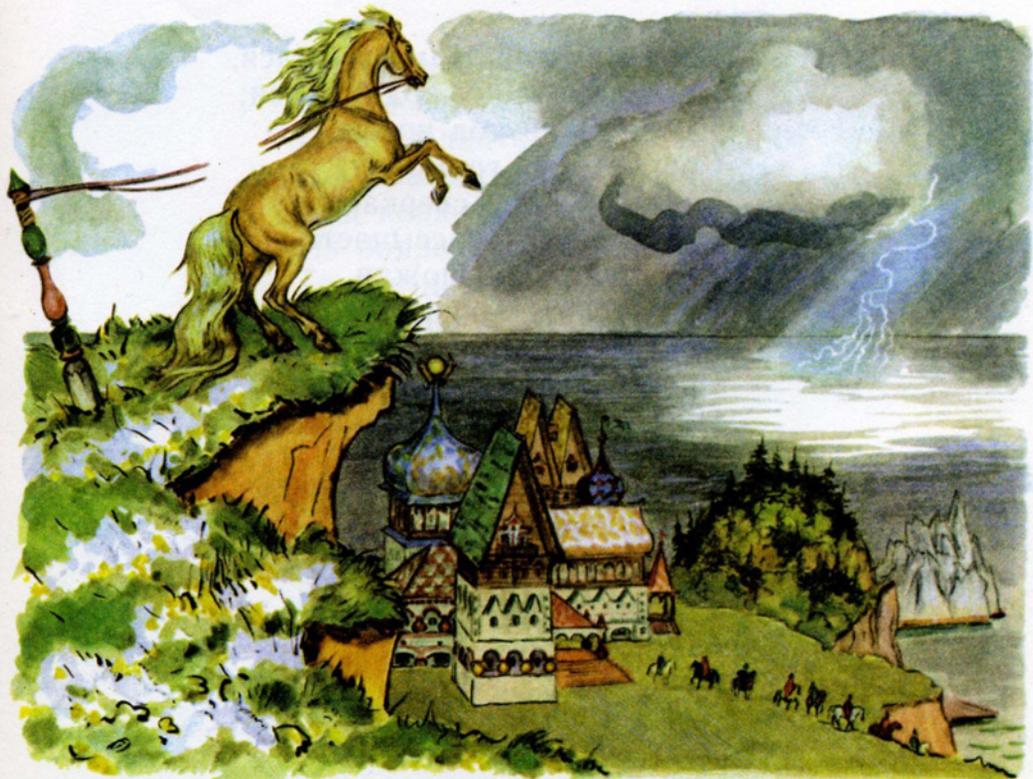

Скоро сказка сказывается,
А не скоро дело делается.

Сказка рассказ
И сказка пролет
И от сна и от бурка
И от белого коурка
Коты на море ушли
Горы лесом поросли

ачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещею коурка*.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;

Конь с златой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь* в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдёт.

Ну, так видите ль, миряне*,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник* примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»

Так неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанáх больших сытá*
Будто только налита.
«Что за притча* тут такая? —
Спальник думает, вздыхая.—

Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто́, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить,—
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший* государской —
Бесурманин, ворожей,
Чернокнижник* и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божью не ходит,
Католицкий держит крест*
И постами* мясо ест»*.

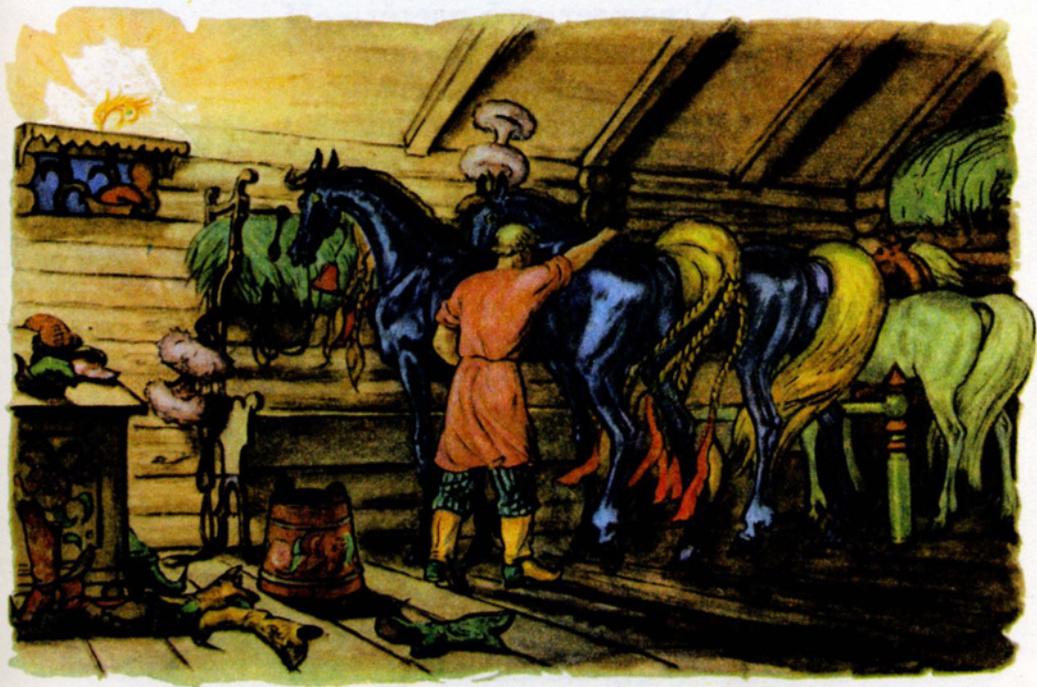

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит.
Ждёт суседки... Чу! всамделе,
Двери глухо заскрыпели.
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт

В три завёрнутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблестал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но суседке невдомёк!
Он кладёт перо в сусек*,
Чистить ко́ней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.

Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий* парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы*,
Сапоги как ал сафьян,—
Ну точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей* на домового...
«Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец.—
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, всё плетёт
Гривы в косы да поёт;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярого пшена*.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо — и лёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться*,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан*,

Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватить перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить».
— «Говори, не прибавляя,—
Царь сказал ему, зевая,—
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос.
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
Жароптицево перо...»
— «Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..»
— «Да и то ль ещё он знает? —
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись.— Добро!
Пусть имел бы он перо;

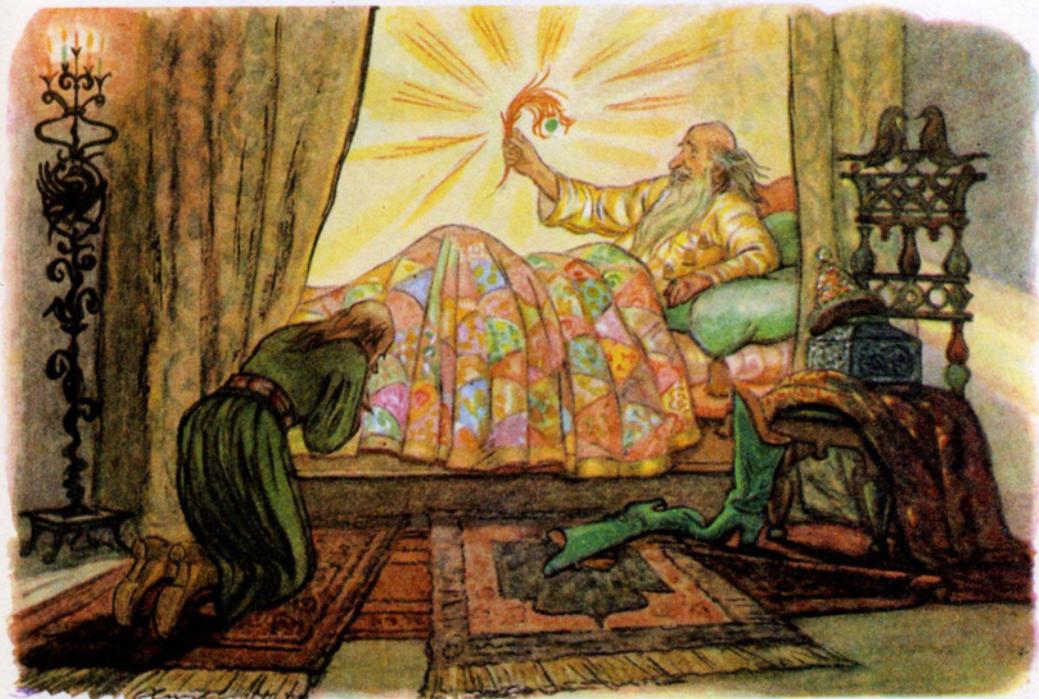
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем талóвым*,
Ко кровати подошёл,
Подал клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив своё веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна*
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругóрядь* растянулись.

Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.

С полчаса над ним возились,
Но его не добудились;
Наконец уж рядовой*
Разбудил его метлой.

«Что за челядь* тут такая? —
Говорит Иван, вставая.—
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана!»
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать».
— «Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся»,—
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:

В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?

Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты — ажно* ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки —
Нет пера, да и шабалки!..»*
— «Отвечай же! Запорю!..»
— «Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел ещё переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван,
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? —
Молвил царь.— Постой-ка, брат!..»
— «Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю,—
Царь Ивану говорит.—
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу

В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил, —
Закричал он, утираясь, —
О пере не запираюсь*,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться* мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной:
На правёж* — в решётку* — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конёк,
У его вертяся ног.—

Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал.—
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:

Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван,— беда!
Много, много непокою
Принесёт оно с собою.
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
„Надо, царь, мне два корыта
Белоярого пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится*,
Мы отправимся в поход“».

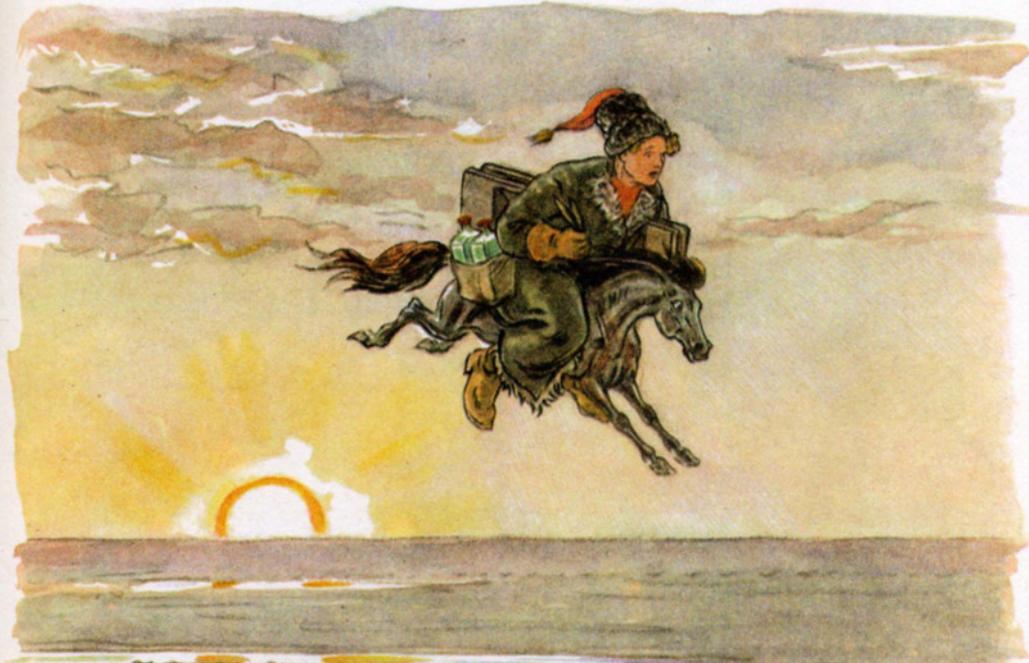
Вот Иван к царю идёт,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярого пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ даёт,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался.
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё* Жар-птицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд,
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет,
А по зелени цветы
Несказанной красоты.

А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,
Возвышается гора
Вся из чистого сребра.
Солнце летними лучами
Красит всю её зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конёк по косогору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнётся,
И тебе стеречь придётся.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати её, смотри же!
А поймаешь птицу-жар —
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся».
— «Ну, а если обожгуся? —

Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан.—
Рукавички взять придётся:
Чай, плутовка больно жгётся».
Тут конёк из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать* —
То-то было бы поживы!
Нéча молвить, страх красивые!
Ножки красные у всех,
А хвосты-то — сущий смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету —
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь

Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз —
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой! Конёчек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
Я ведь птицу-то поймал!» —
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! —
Говорит ему конёк. —
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай тужее;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь».
— «Нет, дай птиц-то мне пугнуть! —
Говорит Иван. — Смотри-ка,
Вишь, надселися* от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Крúгом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», —
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» — «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне* затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол:
«Ну-ка, бабушка, пошёл!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решёточных* сзывайте!
Заливайте! Заливайте!»
— «Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, —
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываясь. — Потеху
Я привёз те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой —
Будь же царский стремянной! *»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружок, под беду!»

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора,

Попивали мёд из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! — один слуга сказал,—
Как севодни* я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки — вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!»
— «Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка *о бобре*,
А вторая *о царе*;
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвёртой: *князь Бобыл*;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...»
— «Ну, да брось её!» — «Постой!..»
— «О красотке, что ль, какой?»
— «Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу сегодня я?»
— «Царь-девицу! — все кричали.—
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

«У далёких немских стран*
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только бесурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок —
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»

— «Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твоё здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей бородой,
Что он знает эту птицу —
Так он назвал Царь-девицу, —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» —
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь* молвить, Царь-девицу...»

— «Что ты, что ты, бог с тобой! —
Начал царский стремянной.—
Чай, спросонков, я толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе как хошь,
А меня не проведёшь».
Царь, затряси бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он.— Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решётку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк.—
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал.—
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.

Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки*,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья*,
И сластей для прохладенья».

Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохлажденья».
— «Вот давно бы так, чем нет»,—
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей, хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И верёвкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает...
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот как в гусли заиграет —
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Ту царевну сохватай*
И держи её сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,

И поедем... Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе,
Если ж ты её проспишь,
Так беды не избежишь».
Тут конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай диру* вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает,
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслиями в шатёр
И садится за прибор.

«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится,—
Рассуждает стремянной,—
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал,
Вдруг конёк над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздёрнут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конёк его простил:
«Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж спать не стану».

— «Ну, уж бог тебя простит! —
Горбунок ему кричит.—
Всё поправим, может статья,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывёт опять девица
Мёду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснёшь,
Головы уж не снесёшь».
Тут конёк опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколотся,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на́ берег бросает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван, вставая,—
Ты вдругорядь не уйдёшь
И меня не проведёшь».

Тут в шатёр Иван вбегаёт,
Косу длинную хватается...
«Ой, беги, конёк, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конёк к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей
Да держи её плотней!»

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает,
За белы руки берёт,
Во дворец её ведёт
И садит за стол дубовый
И под занавес шелкóвый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел —
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Всё для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнём жить припевая».

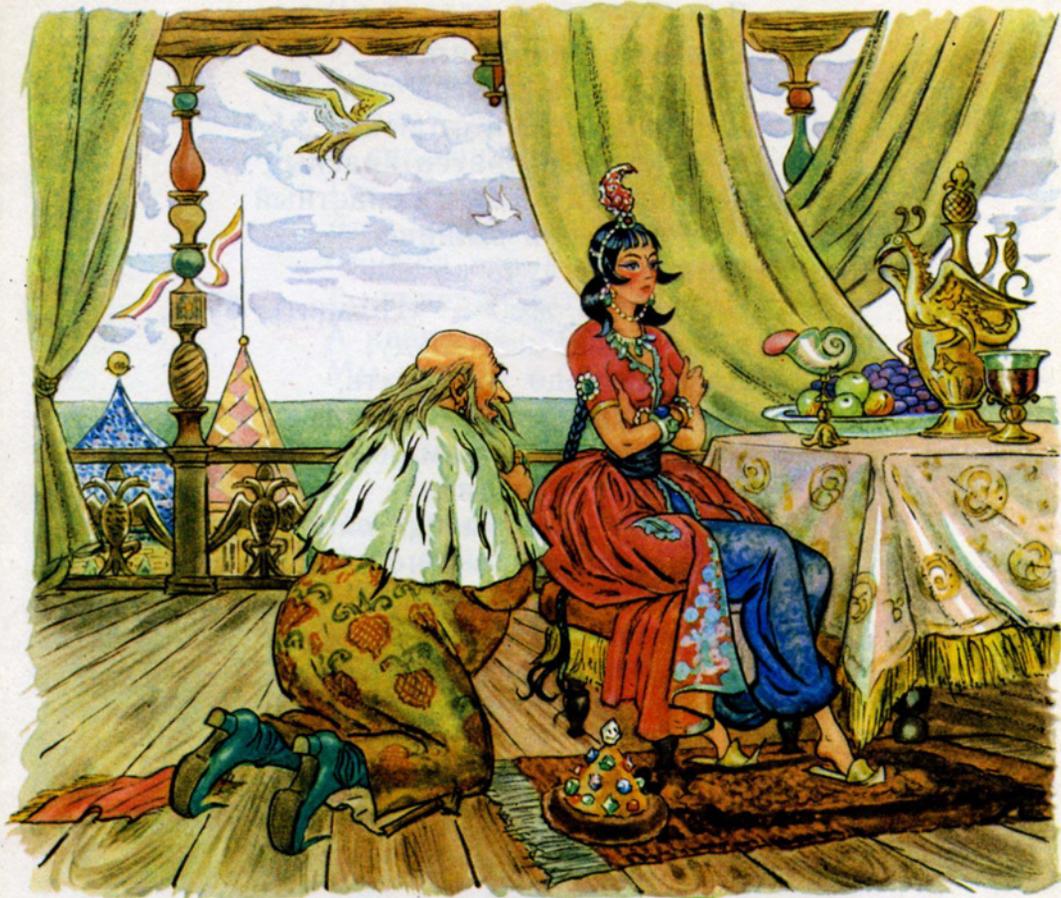

А царица молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь несколько не сердился,
Но сильней ещё влюбился;
На колени пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы* начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царица:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окяна!»
— «Гей! Позвать ко мне Ивана!» —
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окян;
В окяне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего».
— «Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги —
Ты опять на окян!» —
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться,—

Царь со гневом закричал
И ногами застучал.—
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути,—
Говорит ему царица,—
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:

Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц — мать мне, солнце — брат».
— «Да смотри, в три дня назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

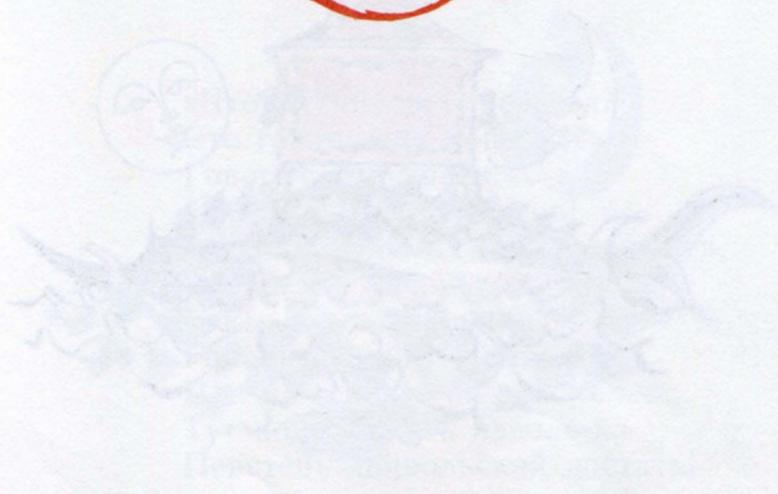
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конёк.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлёт на окиян,—
Говорит коньку Иван,—
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробоваться изволь-ка
Перстень дьявольский достать!

Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросать кое об чём...»
Тут конёк: «Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А на завтра, утром рано,
Мы поедем к окяню».

На другой день наш Иван,
Взяв три луковицы в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

Доселева Макар огородби копад,
А нинесе Макар в боеводби попад.

а-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;

Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка по́слее* начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
„Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!“»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева* не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье:
Ты исполнить обещаешь.
Да смотри ж, не забывай!»

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?»
— «Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы,—
Говорит киту конёк,—
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые».
— «Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?»
— «Ладно, ладно, рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
— «Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» —
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
«Ладно, ладно, рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
Тут конёк под ним забился,
Прыг на берег и пустился,
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно* творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землёю,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землёй простился
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво,—
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян,—
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван конька.

J.B. M. L. 1911

«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы,—
Горбунок ему кричит,—
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые,
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады,
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме — из звезд
Православный русский крест.

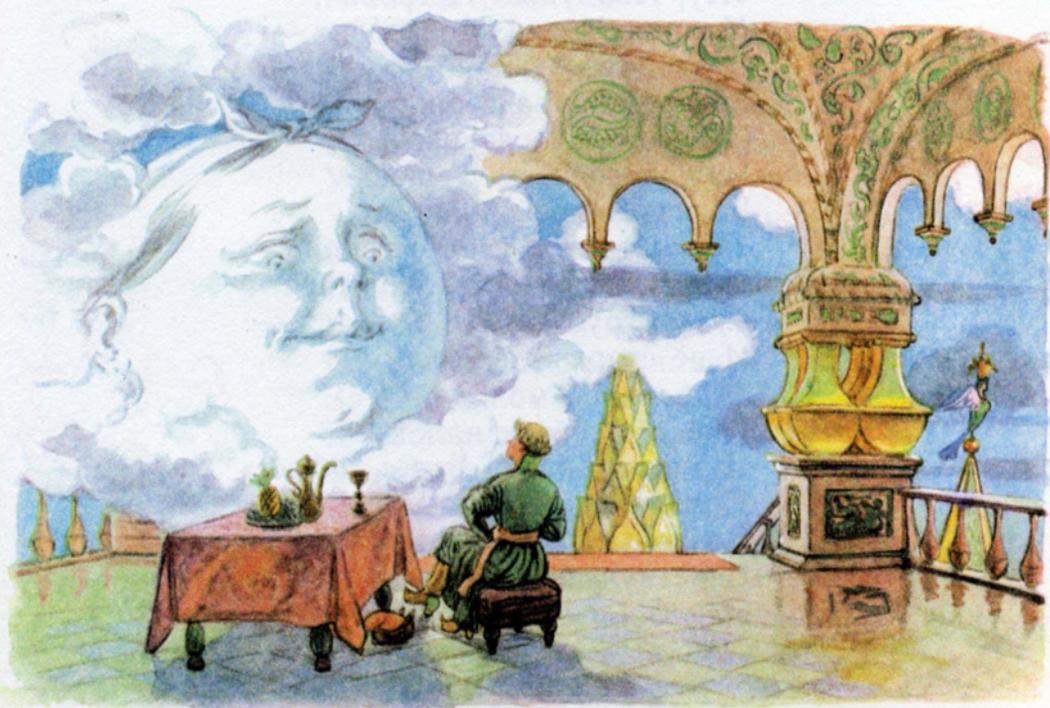

Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:
«Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я — Иванушка Петрович! —
Из далёких я сторон
И привёз тебе поклон».
— «Сядь, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцович.—

И поведай мне вину*
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край,—
Всё скажи мне, не утай».
— «Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской,—
Говорит, садясь, Иван,—
Переехал окиян
С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
«Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?»
Так, кажися? Мастерица
Говорить краснó царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она».
— «А какая то царица?»
— «Это, знаешь, Царь-девица».
— «Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил
В три недели во дворец;

А не то меня отец
Посадить грозился на кол». —
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала.
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил.
Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?»
— «Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухotka*:
Ну, как спичка*, слышь, тонка.
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Просидит он женихом!

Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошенье,
То о китовом прошенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты...
Он, бедняк, меня просал,
Чтобы я тебя спросал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прошенье?
И на что он тут лежит?»

Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щёки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович,—
Молвил Месяц Месяцович,—
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится,—
И не старь, с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к налюю*».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришёл на окиян.
Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, моё прошение?
Получу ль когда прощение?»
— «Погоди ты, рыба-кит!» —
Тут конёк ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Чёрной гривкою трясёт
И такую речь ведёт:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ*,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернётся рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклади
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шёл Мамай войной!*

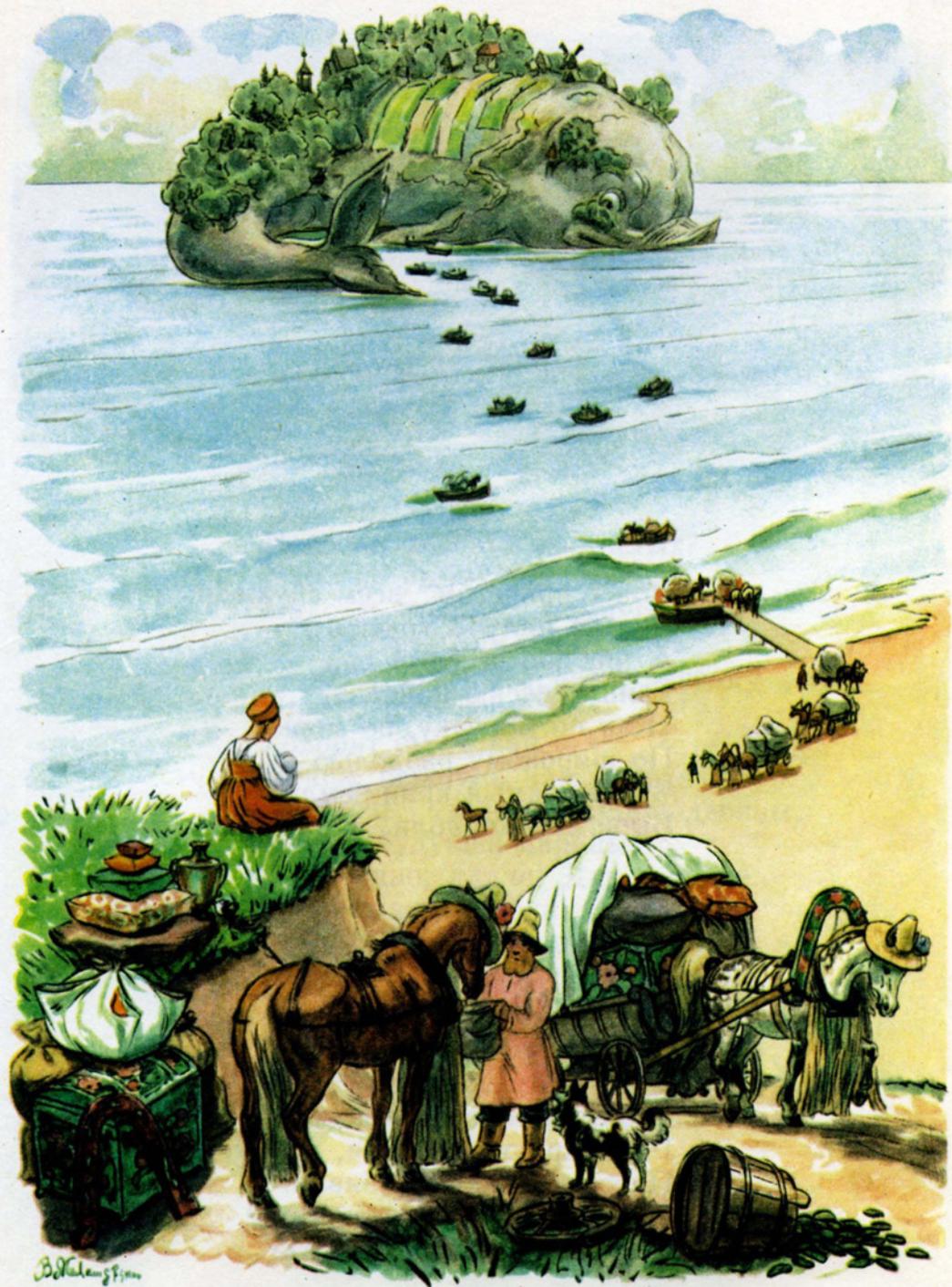
Тут конёк на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далёкий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;

B. K. & F. J.

Поп с причетом* всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря заclubились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом* волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?»

Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!»
— «Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо,—
Говорит ему Иван,—
Лучше перстень нам достань —
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы».
— «Ладно, ладно! Для дружка
И серёжку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы»,—
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетринный весь народ
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином*.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! Не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло».
— «Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит сердито закричал
И усами закачал.

В.В.Вайнштейн

Осетры тут поклонились,
В земский суд* бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ*;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,

Чтоб от имени царя
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было, нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули,—
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с карасём.
«Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» —
Закричали им гонцы.
«Ну а вам какое дело? —
Ёрш кричит дельфинам смело.—

Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!»
— «Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома — нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться,—
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честнóм при всём собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго ёрш ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени ёрш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье».
— «Рад стараться, чудо-кит!» —
На коленях ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» — «Как не знать!
Можем разом отыскать».
— «Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»

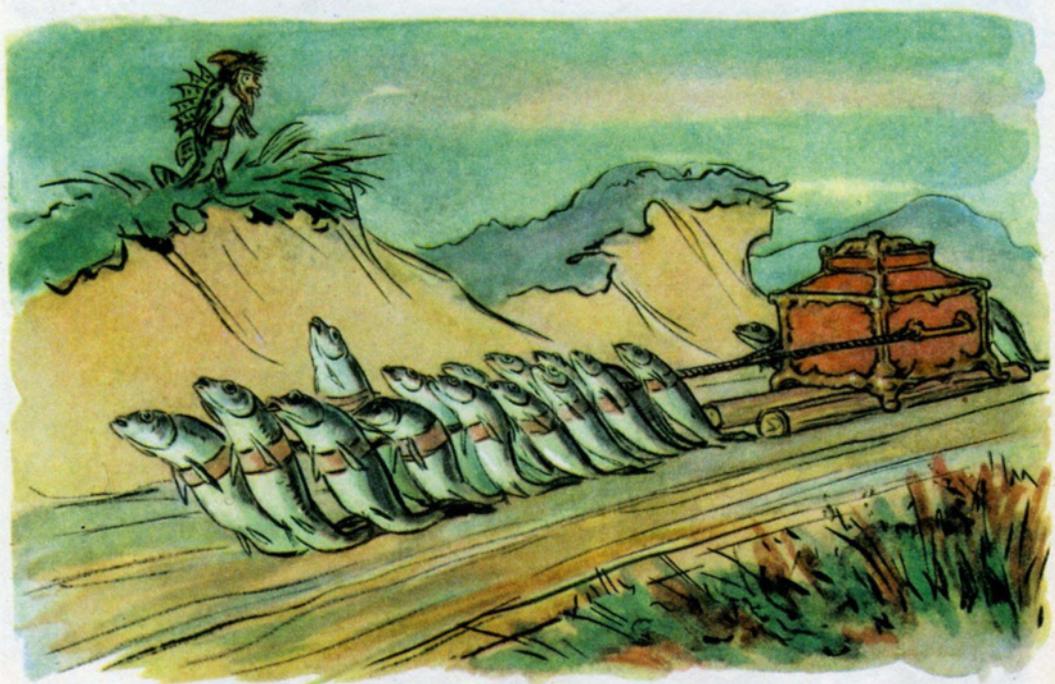
Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон,
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
«У-у-у!» да «О-о-о!».
Но, сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!
Вам кнута бы вместо водки!» —
Крикнул ёрш со всех сердцов
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины).
Чай, додаться с карасём,—
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!

Вишь, какой морской шайтан!* —
Говорит себе Иван.—
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело,
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь* я,
Позови опять меня;

Твоего благодаянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конёк проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул:
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, рыба-кит! —
Горбунок-конёк кричит.—
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное* число.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конёк, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк».

Стал четвёртый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит:
«Что кольцо моё?» — кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнесть в светлицу,
Сам пошёл по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найдён,—
Сладкогласно молвил он,—
И теперь, примолвить снова,
Нет препятствия никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенёчек?
Он в дворце моём лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя ещё венчаться».
— «Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой,
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка-царица!»

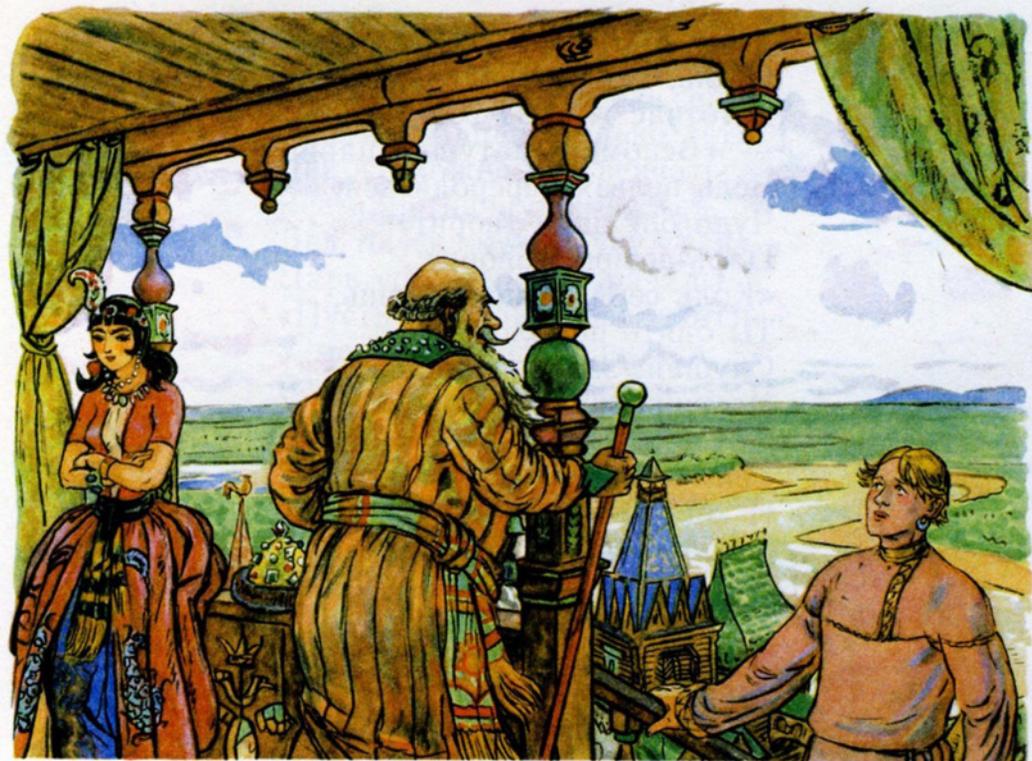

Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед,
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку* взял!»
Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!»
— «Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться,—
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» —
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! —
Царь царице отвечал.—
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмурия, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!»
— «Не пойду я за седова,—
Царь-девица молвит снова.—

Стань, как прежде, молодец,
Я тотчас же под венец».
— «Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться —
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? —
Говорит царю Иван.—
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.

Не поеду ни за что!»
— «Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и в двух водах».
— «Вишь, откуда подъезжает! —
Речь Иван тут начинается.—

Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить-мудрить
Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытаться,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, бóлесть злая!»*
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конёк. —
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет

Искупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конёк:
«Вот уж служба, так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследни* с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордóй макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёный.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошёл к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера, и повара,
И служители двора,
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери растворились,
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулась в фату*.

Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них — и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? —
Царь опять ему вскричал. —
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать?
Я в последни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

«Эко диво! — все кричали.—
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя* похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два разá перекрестился,
Бух в котёл — и там сварился!

Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если люба, то признайте
Володетелем* всего
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба! — все кричат.—
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана*
Признаём царя Ивана!»

Царь царицу тут берёт,
В церковь божию ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налюю.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским* выставляют,

И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворе же пир горой:
Вина льются там рекой,
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.

Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

1834, между 1843 и 1851

О СКАЗКЕ «КОНЁК-ГОРБУНОК»

Послал отец Иванушку стеречь пшеницу: повадился кто-то топтать её по ночам. Послушался Иван — пошёл в дозор. О том, что за этим последовало, и о многом другом рассказал в своей сказке девятнадцатилетний поэт-студент Петербургского университета Пётр Павлович Ершов. Автор «Конька-горбунка» учился на философско-юридическом отделении не из любви к юридическим наукам. Ершова влекли к себе поэзия, история, музыка. Однажды он признался: «Я готов всем изящным любоваться до головокружения...»

Ершов был современником великого Пушкина, Жуковского. От них он услышал похвалу. Сказка была напечатана сначала в журнале, а потом — отдельной книгой. С памятного для Ершова 1834 года, когда это произошло, сказку о Коньке-горбунке узнала и полюбила вся читающая Россия.

Поэт родился в Сибири. В детстве ему пришлось много ездить: его отец служил в беспокойной должности волостного комиссара — семья часто переезжала с места на место. Ершovy жили и в крепости святого Петра (сейчас Петропавловск), и в Омске, и на Крайнем Севере — в Берёзове, тогда место ссылки, и в Тобольске. Будущий поэт узнал быт крестьян, таёжных охотников, ямщиков, купцов, казаков, услышал рассказы о сибирской старине, от старожилов узнал сказки. Ершову, ставшему гимназистом, вновь повезло: он поселился в Тобольске у родственников матери, у купца Пилёнокова — здесь в людской бывали разные люди. От них Ершов узнал о забайкальских краях, о далёких караванных путях на юг и восток. Пришло время, и сам Ершов стал рассказчиком-сказочником.

В Петербург Ершов приехал с родителями, с братом, который тоже стал студентом. Они поселились на городской окраине, в небольшом деревянном доме. Вечерами, улёгшись в постель, Ершов любил рассказывать домашним сказки. Здесь-то впервые и услышали друзья от поэта его сказку о Коньке-горбунке. Сказка была перенята от сибирских сказочников, но не всегда легко решить, где перед нами искусство народа, а где собственное творчество Ершова.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.

Как тут не узнать слов из народных сказок: «Близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается». Или вот ещё — Конёк-горбунок трижды спрашивает у опечаленного Ивана:

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?»

А дело в том, что царь посылает Ивана к океану; горбунок неизменно утешает своего хозяина:

«Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!»

В народных сказках герой тоже находит утешение у своих друзей и помощников. Они тоже спрашивают у него, почему он невесел, почему голову ниже плеч повесил, и утешают теми же словами: «Это не служба — службишка, служба будет впереди». Из народных сказок Ершов взял и слова о преображении Ивана:

И такой он стал пригожий —
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!

Нетрудно узнать обычную сказочную концовку и в последних стихах о свадебном пире:

Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

Но поэт не только пересказал своими стихами сказки народа. Ершов украсил народный вымысел, расцветил его своей выдумкой, дополнил его. Вот Иван караулит ночью пшеницу — сидит под кустом, считает на небе звёзды:

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.

Мы можем проследить за всеми движениями Ивана: вот его слух поразило внезапное ржание, вот он привстал, вот приложил руку к глазам, чтобы лучше рассмотреть что-то там вдали, — и увидел кобылицу. Ершов даёт волю своей фантазии:

Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.

В сказках народа много чудесного, но можно поручиться, что точно такого описания в них не найти.

«Конёк-горбунок» захватывает нас вымыслом. Чего только не узнаём мы и где только не перебиваем вместе с Иваном и его горбунком! В сказочной столице — на торгу, в конном ряду, в царской конюшне, у океана-моря, в диковинных краях, где водятся жар-птицы, на морском берегу, у самой кромки прибора, откуда открывается пустынный простор и видно, как гуляет «одинёшенек» белый вал. Вот Иван до-скакал на горбунке до поляны:

Что за поле! зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.

Вдали возвышается гора, «вся из чистого серебра» — ослепительный блеск разлит вокруг. Перед нашим мысленным взором открывается красота волшебного мира.

Ершов без боязни сочетает волшебный вымысел с шуткой. Поперёк океана неподвижно лежит кит — чудо-юдо. Сметливые крестьяне поселились на нём:

Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ишут девушки грибов.

Поэт весело смеётся над давними фантастическими рассказами о том, что земля держится на китах.

Шутливость никогда не оставляет Ершова. Она постоянно сопровождает самые восторженные его описания. Ивану не показалась прекрасной даже царевна: увидав её, он разочарован — она кажется ему бледной, тонкой:

«А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».

Самая женитьба Ивана на девице, когда он переродился в красавца и стал царём, обращена Ершовым в шутку:

«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Если подумать, то станет ясным, что эта шутка не случайна: в том, над чем смеётся поэт, состоит существо сказочной истории.

Пересказывая народные сказки, Ершов сохранял их острый социальный смысл. Симпатии автора всецело на стороне гонимого и презираемого Ивана. Иван слыл дурачком уже в родной семье; он и вправду кажется дурачком: лежит на печи и распекает во всю мочь: «Распрекрасные вы очи!» Но вот вопрос: а чем его лучше старшие братья?.. Они не горланят песен, не лезут на печь в лаптях и малахае, не стучат

в двери так, что «чуть кровля не валится», но иных достоинств у них нет. Напротив, в них много плохого: никто из них не верен слову, они обманывают отца, нечисты на руку. Братья никогда не упускают из виду своей выгоды. Ради неё они готовы на всё — были бы рады погубить Ивана. Тёмной ночью они посылают его в поле за огоньком, в надежде, что он не вернётся обратно.

Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали,—
Поминай его, как звали!»

Но всё происходит наперекор желаниям братьев. Ершов делает Ивана удачливым. Почему? Потому что Иван никому не жалеет зла. Его «глупый ум» в том, что он не крадёт, не обманывает, верен слову. Он не строит козней против ближних. Всякий раз, сделав доброе дело, Иван беззаботно поёт: поёт, возвращаясь из дозора, «Ходил молодец на Пресню»; поёт по дороге в балаган, где у него стоят кони. И уж настоящее веселье — общая пляска — произошло в столице, когда Иван был взят на службу к царю. Весёлый, добрый и простодушный Иван потому и нравится нам, что не похож на тех, кто считает себя «умным».

Презираемый и обманываемый братьями, Иван стал жить при царском дворе. Иван сам удивлён перемене в своей судьбе. По его словам, он «из огорода» стал «царский воевода». Невероятность такого изменения в судьбе Ивана высмеяна самим поэтом, но без такого хода действия не было бы и сказки.

Иван и на царской службе остался прежним: он выговорил себе право вдоволь спать («А не то я был таков»). Ершов часто говорит о том, что Иван спит так крепко, что его едва могут добудиться. Иван чуть не погубил себя, заснув у шатра девицы под её пение и игру на гусях. Недовольный горбунок толкнул его копытом и сказал:

«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!»

Иван и хотел бы остаться беззаботным, да на царской службе беззаботным быть нельзя. Иван должен стать иным. Он учится этому. Чтобы не уснуть, не упустить ещё раз Царь-девицу, Иван набрал острых камней и гвоздей: «Для того, чтоб уколоться, если вновь ему вздремнётся». Верный конёк учит своего хозяина: «Гей! хозяин! полно спать! Время дело исправлять!» Конёк — воплощение чудесной сказочной силы, которая приходит на помощь Ивану. Эта сила действует против царедворцев и самого царя.

Беды, в которые попадает Иван, грозны. Царь узнал из доноса спальника, что Иван скрывает перо Жар-птицы. Царь в гневе. Он добивается у Ивана признания: «Отвечай же! Запорю!..» Царское желание иметь перо Жар-птицы — одна прихоть и вздор. Царь смешное получить перо, он забавляется им, как дитя игрушкой: «Гладил бороду, смеялся и скусил пера конец». Приказывая поймать Жар-птицу, царь грозит в случае неповиновения посадить Ивана на кол:

«Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою».

Иван для царя «холоп» и не должен перечить ни словам, ни желаниям. Таков и приказ искупаться в кипятке:

«Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье,—
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать».

Неблагодарность царя, которому Иван оказал столько услуг, доносы, лицемерие придворных, их ловкая клевета — вот что причиняло несчастья даже таким нетребовательным, незлобивым людям, каков Иванушка.

Ершов противопоставил этому вполне реальному злу сказочную силу Конька-горбунка. Поэт мечтал о том, как будут побеждены царь и придворные. Иван искупался в кипятке и остался жив. Это чудо сотворил горбунок. Чудеса случаются только с теми, кто признан в сказке достойным лучшей участи. Ершов вознаградил добро за страдания и наказал порок.

Сказочный Конёк-горбунок, как всякая хорошая выдумка, заключает в себе серьёзную мысль: силу царя и его придворных может сокрушить сила верного товарищества. Ершов опоэтизировал это чувство. Даря Ивану коньков, кобылица сказала:

«Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой...»

Ершов сам раскрыл внутренний смысл сказочной выдумки: товарищество способно творить чудеса. И в жизни со студенческих лет Ершов верил в силу верной дружбы. В университете он встретил Константина Тимковского. Они подружились. Оба мечтали о полезной деятельности на благо России: им казалось, что они могут преобразить жизнь в Сибири, сделать край каторги и ссылки цветущим, а народы, его населявшие, просвещёнными. Друзья поклялись быть верными этому стремлению и даже обменялись кольцами. На внутренней стороне колец были выгравированы первые буквы латинских слов *Mors et Vita*, что значило: «Смерть и Жизнь». Друзья поклялись всю жизнь до самой смерти оставаться верными общему гражданскому долгу. Всей своей деятельностью после окончания университета Ершов — учитель русской словесности в Тобольской гимназии, а потом инспектор, директор её, а спустя время управляющий дирекцией училищ всей обширной Тобольской губернии, подтвердил верность своей клятве. Верен был юношеским стремлениям и Тимковский. Он стал участником тайного революционного общества и, арестованный, был выведен в

1849 году на Семёновский плац — ждал казни. Царь в последнюю минуту заменил её каторгой. По-разному сложилась жизнь друзей, но путь каждого имел началом клятву на верность России, скреплённую чувством товарищества. Это чувство и было воспето Ершовым в сказке.

Горбунок делит все радости и печали Ивана. Когда настало время самого сурового испытания — прыгать в кипящий котёл, горбунок сказал, что теперь понадобится вся его дружба:

«И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину».

Это-то и придало Ивану решимость:

На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул...

Трепетную и горячую веру в победу дружбы над силами зла Ершов выражает и в любовном изображении отношений Ивана и его верного конька. Горбунок всегда рад Ивану, поэт говорит, что он вертится у ног Ивана, хлопает от радости ушами, приплясывает.

Настоящая сказка всегда близка к правде. Поэт сохранил множество примет народной жизни. Собираясь в дозор, братья берут с собой вилы, топор — те орудия труда, которые крестьянин и мог превратить в оружие. Пойманную кобылу Иван загнал в пастушеский балаган — временный загон под навесом. Собираясь в дорогу, Иван берёт с собой три луковки, кладёт за пазуху хлеб, а небогатую поклажу сложил в мешок. Сказочная столица очень похожа на российский губернский или даже уездный город. Городничий с отрядом усачей прочищает дорогу в толпе, рассыпая удары налево и направо: «Эй! вы, черти босонogi! Прочь с дороги! Прочь с дороги!» Народ снимает шапки. Торговые гости-купцы в сговоре с надсмотрщиками, обманывают и обчитывают покупателей. На торгу идёт не только денежная торговля, но и обмен натурой. Кричат глашатаи. Царь ездит в сопровождении стрельцов. Такие описания очень красят сказку и придают достоверность выдумке.

Красят сказку и упоминания о времени, хотя и краткие, но выразительные — говорится об утреннем свете, дневном блеске неба, вечернем сумраке и ночной темноте: «Только начало зриться», «Ясный полдень наступает», «Вот как стало лишь смеркаться», «Стало на небе темнеть», «Запад тихо догорал», «Ночь холодная настала», «Ночь настала, месяц всходит». Яркая картина набросана стихами:

Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.

Ершов усвоил из речи народа множество слов и выражений, вроде «зориться», «о полночь» и подобных им.

Бытовая речь придала сказке особенные художественные свойства. Старый крестьянин только и мог так говорить: «Послушай, *побегай* в дозор, Ванюша», а сам Иван — так:

«Эхе-хе! Так вот какой
Наш *воришко!*.. Но постой,
Я шутить ведь не умею
Разом сяду *те* на шею.
Вишь, какая саранча!»

Попав на небо, Иван размышляет:

«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво...
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится,
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!»

В этой речи и восторг, и размышление, и удивление, и сравнение, и предположение, и ирония. Это живая народная речь с остановками, неожиданными поворотами в течении. В неё вошли и просторечные слова: «эко», «чай», «больно», и их нельзя заменить никакими другими — вместо «Эко диво!» сказать «Вот диво!» или «Какое диво!», вместо «чай» — «наверное», «вероятно», а вместо «больно высока» — «очень высока». Заменить слова — означало бы утратить народный оттенок в сказочной речи.

Ершов блистательно владел стихом. Как у всякого настоящего поэта, у Ершова стих был сильным поэтическим средством. Вот только один пример: на обратном пути из небесного царства Иван достиг океана —

Вот конёк бѣжит по китѹ,
По костям стучит копытѹм.

Стихотворная речь чётко выделяет ударные и неударные слоги (ударные отмечены знаком ' , а неударные — \checkmark), ритм сам по себе становится изображением стука копыт. Но вот бег конька сменяется прыжком, и ритм становится другим:

Понатужилсь — й вмйг
На далёкий бѣрег прыг.

Здесь иное чередование ударных и неударных слогов — ведь конёк прыгнул. Рассказывают, что Пушкина восхитило мастерство Ершова. Молодой поэт учился у великого мастера. Считают, что начало сказки — четыре стиха «За горами, за долами...» — правил Пушкин. Не случайно стихи:

«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?» —

наваяны «Сказкой о царе Салтане», где есть строчки:

«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили, куда?»

А стих Ершова «Пушки с крепости палят» сочинён по образцу пушкинского: «Пушки с пристани палят».

Сказка Ершова — прекрасное и высокое произведение искусства. Поэт почувствовал и передал очарование народных сказок, а главное, разделил народные понятия и представления.

Как и простые люди, Ершов мечтал о победе сил добра и справедливости над силами зла и насилия. Именно это сделало сказку о Коньке-горбунке всенародно признанным произведением.

Ершов пламенно любил Россию и, как свидетельствуют его современники, от «беспощадных нападков на нашего простолюдина решительно отворачивался как от невежества».

Умер поэт в августе 1869 года. При жизни Ершова сказка была издана семь раз и много раз после кончины автора. Пушкин мечтал издать сказку с картинками и чтобы она стоила дёшево. Такое издание осуществлено в наше время. Скачет и скачет горбунки в сказке Ершова от одного поколения людей к другому, и весёлый стук его копыт прозвучит ещё для многих читателей.

В. Аникин

ОТ ХУДОЖНИКА

В рисунках первой части Иван в типичной крестьянской одежде: верхняя одежда называется *зипун*, из домотканой овечьей шерсти, на голове шляпа — *гречневик*, тоже шерстяная, валянная как фетр. Обычно молодые люди вставляли за тесёмку тульи петушиное или ястребиное перо. На ногах *лапти*, они делались из липового лыка. Голень обёрнута длинным полотнищем — это *ошучи*, обвязаны они верёвкой.

Одежда городского отряда на стр. 30, 31 — красные *жупаны* из крашеного сукна. Стрельцы имели одежду разных цветов: огуречный, травяной, гороховый, красный и чёрносмородинный.

Любимой мастью в XVIII веке были лошади пегие, то есть пёстрые, с неправильными пятнами.

Кони, которых продал царю Иван, фантастической масти, типа масти игрёневой. Но она была любима позднее, в XIX веке. Ершов запечатлел вкусы своего времени.

На стр. 53 Иван изображён в *казакіне* — безрукавке. Эту одежду носили кучера и люди, приставленные к лошадям.

В руках правого дворянина декоративное оружие в виде месяца — это *протозан*.

На стр. 59 Иван одет в романовский полушубок. Они выделялись в Романове, Борисоглебске, на Волге из особой породы овец. Шапка на нём типа казачьей.

На стр. 73 Иван одет в верхнюю одежду для верховой езды, она с короткими рукавами — это *чуча*.

Ершов писал своего «Конька-горбунка» уже после пушкинских «Сказок», и образ Царь-девицы перекликается с образом Шемаханской царицы, поэтому я девицу изображаю в костюме азербайджанско-иранского стиля.

Сласти в XVII веке были главным образом пряники, сухое варенье, пастила разных сортов и, конечно, мёд.

В третьей части сказки Иван одет богаче. Его костюм называется *тёрликом*, он шился из узорной бархатной или шёлковой материи. Подпоясан Иван дорогим поясом, расшитым разноцветными шелками. Это пояс иранского изготовления или их копии — слущкие пояса, то есть изготовлявшиеся в Польше, в городе Слущке. Московские щёголи были самыми щедрыми их покупателями.

В. Милашевский

ОБЪЯСНЕНИЕ УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А ж н о — разве.

Ба́ б ка — игральная кость.

Ба ла га́ н — шалаш, загон с навесом.

Ба ля́ сы — пустые речи, болтовня, рассказы.

Ба су р ма́ н ин — иноземец, человек чужой веры; ба су р ма́ н ить (бусурманить, бесурманить) — обращаться в чужую веру.

Бе ло́ я ро во п ше́ но — кукуруза, в сказках — конский корм.

Бо́ л е сть з ла я — падучая, тяжёлая болезнь.

Бо ч ки с ф ря́ ж ск и м — с заморским вином из Италии, его привозили на Русь ф ря́ з и — купцы-генуэзцы.

Бу е ра́ к — овраг, яма.

Бу ре́ нье — литьё; прибор заморского варенья — литая металлическая посуда чужеземного литья.

В дру́ го́ ря дь — ещё раз, в другой раз.

Ве р ш и́ть — решать, заключать, приходить к выводу.

Ви на́ — здесь: причина.

В ну́ ка — внучка.

Во ло де́ тель — владелец, господин.

В по сле́ д ни — последний раз, напоследок.

Гла зе́ й — подсматривающий.

Гла ша́ та й — человек, который объявлял волю царя и воевод.

Го ро д ни́ ч ий — начальник города в старину.

Го́ сти — купцы, торговые люди.

Да в ё ж — давка.

Да - пять — старинная форма числа десять.

Д во ря́ на — придворные.

Ди ра́ — дыра.

До се́ ле, до се́ ле ва — прежде, до настоящего времени.

Ду́ м ный дво́ ря н ин — незнатного рода младший член царской думы.

Е ру слá н — герой сказок, богатырь; «Да читали Еруслана» — читали сказку о Еруслане.

Жи в о́ т — имущество, добро; «Некорыстный наш живот» — честно заработанный достаток, богатство; жизнь.

Жо́ мы — тиски.

За́ гре би — горсть, пять пальцев.

За зо́ р и́ть ся, зо́ р и́ть ся — рассветать, светать.

- Запира́ться, пере́ться — спорить, упорно отказываться.
- Зельно́ — весьма, сильно.
- Зёмский суд — местный суд, разбира́л малознача́тельные дела; в Сибири существова́л до 1867 года.
- Католи́цкой крест — четырёхконечный, без перека́дин.
- К водяному сесть в приказ — утонуть, пойти ко дну; приказ — высшее учреждение в древнерусском государственном устройстве; здесь названо в шутовском смысле.
- Клепа́ть — наговаривать, напрасно, без основания обвинять.
- Кольцо́ — железная круглая ручка у дверей, была соединена с запором.
- Коню́шенный заво́д, приказ; коню́шенная — в Древней Руси служба, ведавшая царскими конюшнями, охотой.
- Коню́ший — начальник конюшенного приказа, придворный; с XV века эту должность занимали бояре.
- Коу́рко — лошадь рыжей масти (каурой); в народных сказках вещей конь-помощник.
- Кра́сно пла́тье — нарядное, цветное, красивое.
- Кто́-петь — частица «петь» в народной речи усиливала интонацию.
- Ку́рево — костёр, огонёк.
- Лубки́ — картинки, большей частью раскрашенные, с изображением героев сказок, былин.
- Льзя́ — можно (сравни «нельзя»).
- Малаха́й — названия длиннополой широкой одежды без пояса, а также меховой шапки с ушами.
- Ме́д — медовый напиток с добавлением хмеля и пряностей.
- Ме́шкотно́ — медленно, неprovорно.
- Ми́ряне́ — крестьяне, жившие миром, общиной.
- Надсе́лися́ — надорвались от крика.
- Нало́й, аналóй, аналóгий — церковный четырёхугольный столик с покатым верхом; во время венчания жениха и невесту обводили вокруг него.
- Наме́днишний — недавний, от слова «наме́дни» — недавно.
- Немо́жет — болеет, от глагола «немочь» — болеть.
- Не́мские страны́ — иноземные, от слова «немец» — так в Древней Руси называли всех иностранцев с Запада.
- Обе́дня́ — время церковной службы, которая бывает утром или в первую половину дня.
- Опо́яска́ — длинный кусок материи, им подпоясывались поверх тулупа, армяка; в опояску зашивали деньги, чтобы не потерять.
- Па́н — здесь: барин, господин; «словно пан» — гордой походкой, с особой выходкой.
- Пере́имать — переловить.
- Пла́стью́ — пластом, распластавшись.

П л е с — хвост.

П л о ш к а — большая круглая плоская посуда, в неё вливалось сало, вкладывался фитиль, который зажигали, горячей плоской освещали помещение.

Крупные глаза сравниваются с горячей плоской: «А глаза-то что те плоски».

П р о з у м ё н т ы , п о з у м ё н т ы — золотая или серебряная тесьма, нашивалась на рукава, воротник, подол.

П о м ё р и т ь — здесь: обдумать, свериться с истиной.

П о с л е е — после.

П о с т — дни, недели в году, когда церковь запрещала есть мясную пищу.

П о с т у ч а л и е н д о в о й — выпили, е н д о в а́ — большой широкий медный или глиняный сосуд-чаша с носиком-рыльцем; служил для разлива вина.

П о ч и в а л ь н я — спальня.

П р а в ё ж — битёе батогами, палками.

П р и н у ж у с ь — понадобится.

П р и т ч а — здесь: непонятное дело, странность.

П р и ч ё т , п р и ч т — священник, дьякон с псаломщиками, состоящие при одной церкви.

Р а ж и й — здоровый, сильный.

Р е ш ё т к а — клетка.

Р е ш ё т о ч н ы е — тюремные сторожа, они же — пожарники.

Р о в н о — как будто бы, словно, кажется.

Р я д — на торгу прямо вытянутые лавки, где торговали каким-нибудь отдельным товаром (мясной, суконный ряд и пр.). К о н н ы й р я д — торговля конями.

Р я д и т ь с я — договариваться (от слова «ряда» — договор, соглашение).

Р я д о в о й — слуга.

С е в о д н и — сегодня.

С е д м и ц а — неделя, начиная с воскресенья.

С е н н и к — навес, под которым хранилось сено, или чердак, служивший той же цели.

С и р ё ч ь — то есть, иначе говоря.

С л о в н о ш ё л М а м а́ й в о й н о й. — Мамай — татаро-монгольский хан, оставил по себе недобрую память как жестокий завоеватель, учинял набеги на Русь; был разбит Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году.

С о д о м — здесь: шум, беспорядок.

С о х в а т а́ й — схвати.

С п а́ л ь н и к — придворный чин в допетровской России.

С п и́ ч к а , с п и́ ц а — тонкая заострённая жердь; деревянный гвоздь в избе для вешанья полотенца; вязальная игла, лучинка.

С р о́ ч н о е ч и с л о — срок.

С т а н и́ ч н и к и — разбойники, от слова «стан» — становище разбойников.

С т р е л ь ц ы́ — старинное войско в Древней Руси; составляли охрану царя, служили по окраинам государства в гарнизонах.

Стремянной — придворный; в его обязанности входило быть при царских выездах, находиться у стремени, ухаживать за верховой лошастью господина.
Сусёдко — домовый, будто бы покровительствовал дому, в особенности коням.
Сусёк — отгороженное место, где хранился овёс, вообще зерно.
Сухотка — непомерная, болезненная худоба, исхудание.
Сыта — настоящий на меду взвар.
Талан — счастье, удача.
Таловый — ивовый.
Тоё — ту.
Указименной — предписание верховной власти, идущее прямо от её имени, без обсуждения в совете.
Учинился — сделался.
Фатá — покрывало из лёгкой ткани в женском уборе.
Челядь — слуги.
Чернокнижник — знающий толк в «чёрных» книгах, колдун.
Чёрный зверь — в Сибири — медведь.
Шабáлки — шабаш; «Нет пера, да и шабалки» — нет пера, да и конец.
Шайтáн — чёрт, дьявол, бес, сатана.
Ширинка — полотенце, широкое полотнище.
Яхонт — старинное название драгоценных камней — рубина, сапфира.

СОДЕРЖАНИЕ

Конёк-горбунок. Русская сказка в трёх частях	
Часть первая	5
Часть вторая	41
Часть третья	83
<i>В. Аникин.</i> О сказке «Конёк-горбунок»	130
<i>В. Милашевский.</i> От художника	138
Объяснение устаревших слов и выражений	139

Для младшего школьного возраста

Пётр Павлович Ершов

КОНЁК-ГОРБУНОК

Сказка

ИБ № 7856

Ответственный редактор Г. И. ГУСЕВА. Художественный редактор Н. З. ЛЕВИНСКАЯ. Технический редактор Т. П. ТИМОШИНА. Корректоры Л. И. ДМИТРИЮК и Э. Н. СИЗОВА. Сдано в набор 18.01.85. Подписано к печати 06.02.86. Формат 60×90/8. Бум. офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Усл. кр.-отт. 74,0. Уч.-изд. л. 9,12. Тираж 100 000 экз. Заказ № 397. Цена 2 р. 10 к. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Ершов П. П.

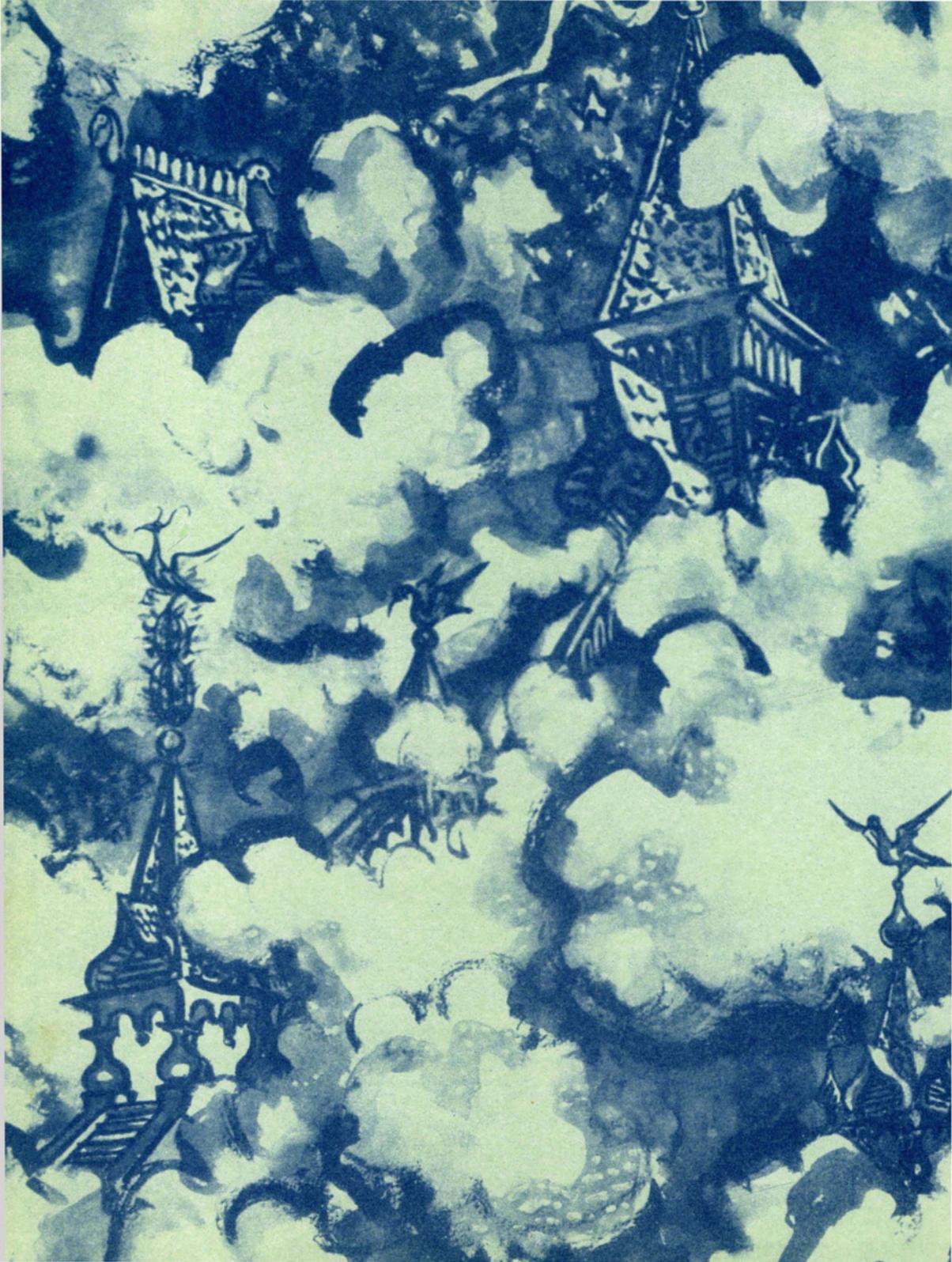
Е80 Конёк-горбунок/Послесл. В. П. Аникина; Рис. В. А. Милашевского.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1986.— 143 с., ил.

В пер.: 2 р. 10 к.

Комментированное издание всеми любимой сказки замечательно цветными рисунками и пояснениями «От художника».

Е 4803010101—257
М101(03)86 105—85

Р1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВМ